

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 4-го октября 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9804.

СТАРОЕ ПИАНИНО.

Онъ жили въ маленькомъ бѣльскомъ домикѣ на краю города.

Тихо, спокойно протекала ихъ жизнь въ небольшихъ и уютныхъ комнатахъ, тихо и мирно, вдали отъ шумныхъ улицъ большого города. Тамъ, въ душномъ кипучемъ центрѣ, люди всегда такъ беспокойно-суетливы и озлоблены; тамъ жизнь, безконечно разнообразная, сложная, вырвается насилино въ каждый уголокъ, зоветъ, вовлекаетъ въ борьбу и страданія—и нѣтъ силъ уйти отъ нея. Сюда не доносились отзвуки этой безощадной борьбы; здѣсь, въ скромномъ и мирномъ жилищѣ, не было проклятій, отчаянья; жестокость и злоба жизни словно какимъ-то чудомъ обошли его. Домикъ стоялъ такъ близко отъ молодой березовой рощицы, гдѣ такъ славно бывало весной, когда почти замѣтно для глаза росла и крѣпла подъ ласкающими лучами солнца молодая нѣжная зелень; такъ легко дышалось чистымъ, свѣжимъ полевымъ воздухомъ, не отравленнымъ гніющими отбросами города; широкъ и свободенъ былъ далекій горизонтъ, и необѣятнымъ куполомъ казалось небо. И сами обитательницы бѣлага домика на окраинѣ-старѣюща Марья Сергѣевна и ея моло-денькая дочь—казались такими ясными, тихими, были такъ чужды страстнымъ порывамъ волновавшагося вокругъ нихъ моря. Обѣ были глубоко привязаны къ своимъ простымъ, низенѣкимъ комнатаамъ, къ небольшому садику съ кустами сирени, жасмина и акаціей, къ бесѣдкѣ въ немъ, къ сѣрымъ гнѣздамъ довѣрчивыхъ ласточекъ. Обѣ любили свою скромную, безбурную жизнь, однозначную, какъ будто пахнувшую запахомъ тихаго лѣтняго заката, маленькихъ полевыхъ цвѣтовъ. И среди всѣхъ окружающихъ ихъ предметовъ былъ только одинъ, къ которому равнодушной оставалась Наташа, живая, привѣтливая полу-дѣвушка, полу-ребенокъ, и который былъ какъ-то особенно дорогъ и милъ ея матери. Старенъкое, разстроенное піанино съ позеленѣвшими подсвѣчниками и желтыми клавишами, къ которымъ очень шла ся маленькая сухая рука, любила Марья Сергѣевна старческою и странной любовью. Быть можетъ, оно было дорого тѣмъ, что будило въ ней воспоминанія о далекомъ дѣствѣ, о юности; быть можетъ, вообще многое дорогое въ прошломъ было связано съ нимъ, или привыкла она къ нему, но она любила, жалѣла его, знала каждую клавишу, изучила малѣйшия оттѣнки каждого дре-безжавшаго звука, жила имъ,

А. В. Кольцовъ,
народный поэтъ. По случаю исполнившагося столѣтія
со дня его рождения.

Памятникъ А. В. Кольцову,
въ Воронежѣ, въ Кольцовскомъ скверѣ.

понимала его. Въ звукахъ, чуждыхъ и непонятныхъ для другого, она умѣла почувствовать и понять и жалобу, и отчаянье, и грусть, и минутный подъемъ настроенія—да, именно настроеніе своего піанино понимала Марья Сергѣевна и всегда умѣла разобраться въ немъ. И она никогда почти не играла шумно и весело; но часто тоскующіе печальные звуки широкой волной лились изъ подъ старческихъ умѣлыхъ пальцевъ, лились, наполняли полутемную комнату, заставляя остановиться Наташу, только что начавшую свою любимую пѣсеньку, ясную и простую, какъ она сама. И Наташа умолкала и тихо сидѣла на старенъкомъ диванѣ, откинувъ русую головку и внимательно слѣдя за тонкою рукою матери. Тихо было вокругъ, слегка пахло сиренью; пестрая бабочка билась гдѣ-то о стекло, а звуки, немного нестройные, но теплые и привѣтливые, неслись, кружили по комнатѣ, наполненной розовымъ отблескомъ заката, и было отъ всего впечатлѣніе чего-то гаснувшаго, милаго и немного грустнаго. Но это не было настроеніе осени,—нѣтъ, такое вѣяніе весны было во всемъ, чѣмъ жили, что дѣлали эти двѣ женщины.

И все же буйная, горячая жизнь съ ея трепетной радостью и жгучимъ страданіемъ ворвалась однажды въ бѣлаго домикѣ на краю города. Наташа полюбила со всей красотой и яркостью, съ нервностью и чистотой первой дѣвической любви. И еще недавно ясная, прозрачная дѣвочка, она сразу какъ-то, на глазахъ матери, стала большой, таинственной, немного чуждой. Тревожное, неспокойное время настало для Марии Сергѣевны: уже успѣвшая забыть ощущеніе собственного чувства, уже утерявшая свѣжесть и тонкую восприимчивость молодого женскаго сердца, она силилась всею душою понять дочь, всѣмъ существомъ воспринять ея внутреннюю жизнь, теперь такую сложную и загадочную; она страстно хотѣла сдѣлать для нея возможную полную откровенность. И чѣмъ сильнѣе хотѣла она этого, тѣмъ острѣе чувствовала, какъ трудно это для нея; тѣмъ болѣнѣе была невозможность не остановиться иногда съ тревожнымъ недоумѣніемъ передъ страстной тоскою или безпричинной радостью молодой дѣвушки. И въ это время Мария Сергѣевна особенно часто и долго играла; еще тѣснѣе, казалось, сблизилась она со своимъ старымъ другомъ, еще понятнѣе и дороже стала онъ ей. Всю горечь старѣющей души, всю тревогу и болѣзnenную жалость

НАДЯ НИНКОЙ

Артисты драматической труппы А. М. Коралли-Торцова,
играющей варьетъ Грикке.

А. М. Торцовъ.

И. Р. Базанова.

В. Н. Бартенева.

С. М. Высоцкая.

Ю. И. Ильницкая.

М. В. Камкова.

М. И. Линецкая.

А. А. Ленская.

О. Н. Ольгина.

Е. А. Славянская.

С. О. Тидеманъ.

В. В. Федотова.

Г. П. Ардаровъ.

В. Е. Большаковъ.

А. Н. Борисоглѣбскій.

А. М. Брановскій.

М. Я. Зальсовъ.

Я. С. Курманскій.

Н. А. Молчановъ.

Г. И. Новиковъ.

Р. Ф. Пахомовъ.

М. К. Пфейферъ-Максиль.

К. Н. Рутковскій.

Юрій Яковлевъ.

изливалась она въ знакомыхъ звукахъ разбитаго піанино. И они часто успокаивали ее, привѣтливые, близкіе, понимающіе, сочувствующіе ей. Долгими зимними вечерами, при одной мигающей свѣтлѣ, играла она въ полутемной комнатѣ и жадно ловила вылетавшую изъ подъ сухихъ пальцевъ мелодію, лишь изрѣдка оглядываясь на притихшую, замечтавшуюся Наташу. Потомъ остroe вниманіе притуплялось, рука какъ-то автоматически скользила по клавишамъ, а мысли уносились... далеко, далеко, назадъ, въ прошлое. Вставали полузабытые образы, мелькали сцены, далекими и блѣдными отблесками вспыхивали на мигъ давно пережитыя чувства, на мигъ чувствовались на рѣсницахъ невыплаканныя слезы прошедшаго страданія. И все же хорошо жилось въ эти часы подъ старыя пѣсни со старѣвшагося піанино, когда такъ далеко уходило настоящее, когда забывалось даже присутствіе молодого волнующагося существа. И все же такъ дорожила Марья Сергеевна этими долгими зимними вечерами.

Пришла весна и съ нею яркое, полное счастье для одной изъ двухъ обитательницъ бѣлаго домика. Наташа была любима и счастлива— „безумно“ какъ говорила она со свѣтлой, блаженной улыбкой на молодомъ лицѣ. Потянулись долгіе, знайные дни, полные солнца и жизни, душныя лѣтнія ночи, напоенные звуками и запахами, потянулись, принося радость, восторгъ одной и тихую безпричинную грусть другой женщинѣ. Часто, оставаясь одна, ходила Марья Сергеевна по комнатѣ, неслышными шагами подходила къ окну и задумчиво, долго смотрѣла въ глубокую синеву лѣтняго неба. И вдругъ съ удивленіемъ чувствовала маленькую горячую каплю на поблекшей щекѣ и смущенно, торопливо смахивала ее...

Все глубже становилась тихая тоска, острѣе грусть отчужденности—и не могла ихъ побороть радость, спокойная, умиленная материнская радость. Точно что то отрывалось отъ нея, точно съ чѣмъ-то прощалась она—навсегда. И—одинокая, неспокойная—еще сильнѣе привязывалась она къ старому инструменту, въ немъ находя понятливаго друга, съ нимъ отдыхая, съ нимъ забываясь. Все свободное время отдавала она музыку; но никогда не играла она въ присутствіи дочери—почему? она сама не знала этого. Но внутреннимъ тонкимъ чутиемъ она чувствовала что, играя теперь при ней, она вносить лишній диссонансъ въ область ихъ тонкихъ, полусознаваемыхъ впечатлѣній. Она всегда старалась избѣжать этого. И Наташѣ это было непріятно.

Наташа вышла замужъ. Молодая любовь стала осмысленіе, счастье двухъ юныхъ существъ полное, жизнь—богаче, интереснѣе. Городъ, вѣчно суетливый, никогда не смолкающей го-

Н. Н. Кутлеръ.

Новый членъ Государственной Думы отъ Петербурга.

Н. Н. Щепкинъ.

Новый членъ Государственной Думы отъ Москвы.

родъ звалъ и манилъ къ себѣ, какъ магнитъ, все ближе и необходимѣе. И они такъ охотно подчинялись этому призыву, они такъ горячо рвались —туда, къ жизни и волненію, эти двое юныхъ и сильныхъ людей... Они покинули бѣлый домикъ среди кустовъ сирени и жасмина; Марья Сергеевна ушла съ ними.

Жизнь въ городѣ сразу стала тревожной, шумной, разнообразной. Но Марья Сергеевна оставалась какъ то вдали отъ нея. Она стала замкнутой, печальной, казалась всегда чѣмъ то озабоченной, угнетенной. Она чувствовала себя не дома; всѣ предметы, новые, лишенные милаго отпечатка давности и уюта, казались чужими, враждебными. Осталось лишь старое піанино. Какимъ старымъ, некрасивымъ выглядело оно въ свѣтлой и высокой комнатѣ! Тоскливо глядѣла на него

Марья Сергеевна; съ какою-то робостью, непонятной и странной для нея самой, садилась она за него, и стыдливыми и виноватыми казались ей звуки.

И могучая юная жизнь однімъ сильнымъ аккордомъ положила предѣль жалкому существованію разбитаго инструмента.

Юноша игралъ; обѣ женщины слушали его. Бурные звуки, то радостные, то скорбные, но всегда нестройные, носились по комнатѣ, входили въ душу, словно хотѣли, группируясь и смѣшиваясь, дать и оставить тамъ внутренній образъ великаго композитора. Звуки носились, и что-то неполное, недосказанное было въ нихъ. Чувствовалось страстное усиленіе напряженныхъ, сильныхъ мышцъ передать эту мощь и выразительность; и казалось —это удастся юношѣ; казалось, своей великой силой онъ преобразить слабые, нестройные аккорды въ полную и прекрасную гармонію; казалось, еще минута—и мощный потокъ волшебныхъ звуковъ понесется въ открытая окна, вззволнуетъ и потрясетъ душу... И сразу—только жалобный трескъ, словно оборвавшійся старческій голосъ. Тоскливыи испугъ мелькнулъ въ глазахъ Марии Сергеевны. Дрогнуло сердце.

Купили рояль. Принесли новенький, нарядный, поставили въ комнатѣ Марии Сергеевны. Но ее долго не тянуло къ нему: послѣдніе звуки дорогого инструмента жили еще въ ея душѣ; тамъ не было места для новыхъ.

Ненастнымъ весеннымъ вечеромъ рѣшилась она играть. Она была одна въ домѣ. Пусто было на душѣ, тихо, въ ушахъ тоскливо отдавался однотонный шумъ крупныхъ дождевыхъ капель. Марья Сергеевна зажгла свѣчи, открыла крышки. Красиво чернѣли клавиши, изящно выдѣляясь на бѣломъ фонѣ. Рѣзко и свѣжо прозвучалъ первый аккордъ любимой пьесы, и страдальческое выраженіе исказило черты стараго лица. Она пересиливала себя, съ болью играя нѣсколько минутъ. Потомъ быстро встала, прошлась, остановилась передъ темнымъ окномъ, украшеннымъ блестящими весенними слезами. Эти чуждые, страшные блескомъ, эти нарядные звуки, развѣ это ея музыка—родная и любимая? Нѣть, нѣть, не нужно ихъ; это приносить только лишнія страданія.

Марья Сергеевна никогда больше не играла. И странную, почти несознаваемую, но глубокую, враждебность—и къ людямъ, и къ солнцу, и къ свѣжимъ звукамъ унесла она съ собою въ могилу.

О. Ф.

